

© 2005 г. И.А. СЕДАКОВА

**ЗАИМСТВОВАННОЕ СЛОВО И ЕГО ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
(болг. *КЪСМЕТ*)**

Статья посвящена этнолингвистическому анализу ключевого для словаря традиционной культуры болгар слова-концепта *КЪСМЕТ*. Этот балканизм, известный другим языкам балканского языкового союза, обозначает широкий круг понятий, образующих в совокупности концепты СУДЬБА, ДОЛЯ и их конкретные проявления: “участь”, “счастье”, “удел”, “удача”, “везенье”. Исследование этого термина, почти вытеснившего в болг. языке славянские соответствия (*чест*, *среца* и др.), проводится на широком языковом, этнографическом и фольклорном материале и демонстрирует механизмы проникновения и усвоения “не своего” слова и его семантики в языке-реципиенте.

Болгарский язык, как и другие члены балканского языкового союза (БЯС), отличается большим количеством заимствований в области лексики. Перекрестное межбалканское влияние распространяется и на экстралингвистическую реальность, благодаря чему сложилась та удивительная культурная и этнографическая общность народов Балканского полуострова, которую отмечают многие исследователи. Т.В. Цивьян высказала предположение о существовании не только БЯС, но и специфической, балканской модели мира [Цивьян 1990; 1999]¹. Сходство видения и конструирования мира проявляется отчасти в наличии слов-балканизмов и клишированных выражений неславянского происхождения, характеризующих этнокультурные понятия и реалии. Подобная лексика зафиксирована в фольклорных текстах самых разных жанров, в метаязыке обрядности, в вербализованных рекомендациях и запретах, связанных с народными поверьями, и пр. Балканизмы встречаются в современной диалектной речи, причем, как показывает экспедиционная практика [ДИОС 2000, 2001]², не только в рассказах о прошлом, о местных традициях, но и в нарративах о жизненных перипетиях, в рассуждениях на современные бытовые, исторические и политические темы. Не обходится без этнокультурных балканизмов и современный болгарский язык, поскольку традиционная культура и народные представления не только в селах, но и в городах Болгарии характеризуются большой сохранностью.

Этнолингвистический анализ лексики традиционной духовной культуры позволяет выявить некоторые механизмы отбора и функционирования “не своего” и его роли в развитии и трансформации народных представлений, обрядности, поверий, фольклорных произведений. В зависимости от контекста употребления “не свое” может становиться “своим”, то есть полностью ассимилироваться и вытеснять славянские эквиваленты на периферию. В подобных случаях заимствование подвергается народной этимологии и служит источником для возникновения целых ритуальных комплексов, например календарной магии [Толстой 1995; Попов 2003 и др.]. “Не свое” слово мо-

¹ В русле этих идей регулярно проводятся симпозиумы, на которых обсуждаются проблемы языковой и культурной общности балканских народов (упомянем хотя бы последние издания материалов [Знаки Балкан 1994; БЧ 5 1999; БЧ 6 2001; БЧ 7 2003]).

² Выражаю глубокую благодарность болгарским коллегам за предоставленную мне возможность работать в архивах Софии и в экспедициях.

жет оставаться “чужим” и использоваться для передачи семантики “инородного”, “нечеловеческого”, “природного”, не заменяя собой славянские синонимы.

Возьмем несколько примеров из терминологии и обрядности болгарских родин, для которой характерно сосуществование славянских и неславянских лексем (подробнее см. [Седакова 2004]). Балканизмы неславянского происхождения служат целям табуированного обозначения компонентов столь опасного, по народным воззрениям, и трудно объяснимого явления, как рождение младенца. Табу на оповещение посторонних о беременности женщины, затем родов, имени младенца; запреты на упоминание роженицы и новорожденного коррелируют с употреблением заимствованной терминологии. “Чужое” слово с неславянским звучанием и непрозрачным значением не так “страшно” в речевом узусе. Впечатляющим этнолингвистическим фактом в этом плане следует считать наличие у болгар значительного множества имен для некрещеных младенцев, – имен, в основном заимствованных из соседних балканских языков³. Показательно, что эта лексика или отсутствует в этимологических словарях болгарского языка [МЕРП 1941; БЕР 1971–2002], или подвергается сомнительной этимологизации, ср. статьи *джавдже* [БЕР 1 1971: 352], *клефък* [МЕРП 1941: 240; БЕР 2 1979: 441], *кџе* [БЕР 3 1986: 183], *маламка* [БЕР 3 1986: 625] и др.

Однако табуирование слов неславянского происхождения нельзя объяснить лишь процессом заимствования, важной причиной служит и многовековое взаимодействие разнородных культур и конфессий. Неславянская лексика часто встречается в зоне непосредственных контактов болгар с иноязычным населением (с помаками, румынами, греками)⁴, хотя не только и не столько в этих регионах. Так, болг. *гебе* ‘беременная’ (из тур. *gebe* – ‘то же’) имеет довольно широкое ареальное распространение на юге Болгарии [Родопи 1984: 121; Сакар 2002: 256]. Параллельно с этим турцизмом употребляется и славянская лексика: *трудна*, *т’ошка* [Родопи 1984: 121], *непразна*, *временна*, *тварна* [Сакар 2002: 256] – типичный пример “пестроты” балканской диалектной терминосистемы⁵.

Итак, заимствование и в том числе балканизмы, могут иметь статус общеполгарских (общесербских и т.д.) или диалектно ограниченных. Отсюда следует существенность такого важного показателя, как **освоенность/неосвоенность** слова в языке. Некоторые иноязычные лексемы (для болгарского языка это, например, *кџсмет* ‘судьба’, *орисници* ‘демоны судьбы’, *курбан* ‘жертвоприношение’ и мн. др.) “вросли” в славянские языки на Балканах, они образуют словообразовательные и формообразовательные варианты с использованием славянских и неславянских аффиксов, органично вписываются в литературный язык и не имеют ограничений в узусе. Однако несмотря на то, что в художественной литературе XIX – XX веков заимствования с абстрактным и предметным значением зачастую не маркированы, лексикографические издания (речь идет о толковых и переводных словарях) весьма приблизительно отражают семантический объем таких балканизмов. В этимологическом словаре болгарского языка (учитывающем данные говором), в диалектных и фразеологических словарях содержится больше информации, и это не случайно: многие значения и контексты употребления балканизмов все же тесно связаны с разнообразными явлениями народной культуры в их диалектном многообразии, и расширение семантики происходит именно в рамках локальных традиций.

³ Работа с этнографическими источниками позволила составить словарь болгарских терминов для обозначения младенцев до крещения и имянаречения, который включает в себя около 200 единиц.

⁴ Ср., например, родопские именованья женщины, родившей вне брака: *ажадия*, *брантия*, *мастия*, *сюргун* [Родопи 1984: 119]; болг. диал. (Ново село, Видинско) *мошул* – ‘повитуха и ее супруг’ от рум. *тоз* ‘дед’ [БЕР 4 1995: 269] и др. локальные заимствования.

⁵ Географию распространения заимствованной и исконно славянской этнокультурной лексики подробно изучают в наши дни диалектологи и этнолингвисты [БЧ 7 2003; Соболев 2001; Плотникова 2004 и др.].

Такая ситуация характерна для *белег, нишан* ‘знак’⁶, подробнее см. [Седакова 1999]. В терминологии болгарских семейных и календарных обрядов *белег, нишан* – слова, обладающие существенными этнокультурными коннотациями (что почти не отражено словарями болгарского языка). Они обозначают этапы и реалии предсвадебной обрядности (сватовство, помолвка; дар невесте и др.), а также небольшой, но очень важный фрагмент родинной обрядности, связанный с появлением родимых пятен и отметин на теле младенца. По народным поверьям, наличие знака на теле новорожденного обусловлено неверным поведением матери в период беременности и Божьим наказанием за ее грехи⁷. Эти слова входят в ряд фразеологизмов и пословиц “От бележен далеч бягай” (*От меченого держись подальше*) [Славейков 1972: 351], “Господ го белязал” [ФРБЕ 1 1974: 220] (ср. рус. “Бог шельму метит”). *Белег* и *нишан* в некоторых контекстах употребления (как ‘знак судьбы, жребий’ в девичьих обрядах гадания о женихе и пр.) являются синонимами *късмет*, о котором и пойдет речь дальше.

Болг. *късмет* заимствовано из турецкого диал. *kismet*, возможно, через сербскохорватский [БЕР 3 1986: 231–232]. *Kisma, kismet* в арабском обозначают ‘часть, порция’, позднее получают семантику “судьба, определенная заранее участь человека” [ЕИ 1986: 184]. Это балканизм известен албанскому, греческому, македонскому, сербскому и хорватскому языкам, однако с наибольшей частотой и регулярностью он встречается в болгарском, поэтому в данной статье мы сосредоточимся преимущественно на этнолингвистических материалах из Болгарии. Предположение о важности этого слова-концепта, вначале возникшее при работе с этнографическими и фольклорными данными, подтвердилось в ходе экспедиций в болгарские села; см. статью о семантике и узусе слова *късмет* в говоре с. Равна [Седакова 2000].

Късмет, согласно словарям болгарского языка XIX–XX вв. [Геров 2 1976: 446; МБТР 1951: 1122; БТР 1973: 404; РЧДБЕ 1982: 465], обозначает широкий круг понятий, образующих в совокупности концепты СУДЬБА, ДОЛЯ и их конкретные проявления “счастье”, “удел”, “удача”, “везенье” (в том числе в браке) и др. По частотности употребления и по семиотической насыщенности этот термин можно считать ключевым в этнокультурном словаре болгар. Заимствование почти вытеснило славянские соответствия: *чест*, *доброчестина* (‘участь, доля’), *църнилка* (‘черная, несчастливая судьба’) встречаются исключительно в фольклоре (хотя прилагательное *честит* ‘счастливейший’ не оказалось на периферии литературного языка), *среџа* (*срек’а*)⁸, *намера* являются диалектными. Другие обозначения судьбы и удачи являются окказионализ-

⁶ Отметим, что в этнокультурном словаре болгарского языка немало ранних заимствований, не относящихся к периоду османского владычества, но явно поддержанных пятивековым турецким господством. Эти заимствования имеют статус балканизмов, но они зафиксированы в старославянском, древнерусском языках, упоминаются в словарях украинского, а порой и белорусского языков (ср. [Цыхун 1998: 329]). Так, болг., в.-серб. *белег* – в др.-рус. *белѣг* ‘знак, пятно, белый струн’ и ‘подписанный бланк для удостоверения личности предьявителя’ (ср. тур. *bilgi* ‘знак’); болг., в.-серб. *нишан* – в др.-рус. *нишанъ* ‘печать’; “А назади у грамоты нишанъ, а в нишане имя его хана, Ахметъ царь” *нашенный* ‘нишенный’ ‘имеющий печать’ [СлРЯ 1986: 388] (ср. тур. *nisan* ‘диск, знак’ [Фасмер 1: 146; 3: 77]). Еще один пример из народной правовой и родинной терминологии *Копеле, копице* (с неясной этимологией – (?) лат. (?) алб., (?) греч., (?) тур. [БЕР 2 1979: 614; МБТР 1951: 1067]) доминирует как термин (‘незаконнорожденный ребенок’) в болгарской и сербской обрядности. В этом значении КОПЕЛЬ употребляется еще в Слепенском Апостоле, в русских текстах XVI в. (*копеличице* – “иже не от законныя жены отроча” [СлРЯ 1980: 296]). Это слово известно и другим балканским языкам: алб. *kopill*, рум., арум. *copil* и украинскому (*копильча, копилюк*) [БЕР 2 1979: 613–615].

⁷ Такие родимые пятна известны многим многим европейским традициям, но количество рассказов и устойчивость болгарских представлений являются уникальными.

⁸ *Срек’а* в значении ‘судьба, удача’ распространено на западе Болгарии, используется идентично серб. *сређа*, которое в сербскохорватском языке обладает большей полисемантичностью и частотностью, чем синонимичная заимствованная лексика [Якушкина 2004: 73].

мами – это относится к исконной славянской лексике, вербализующей представления о судьбе (*изрок* ‘сказанное’; *раг’а* ‘заданное от рождения’ [ИДР (рукопись)] – или поздними русизмами (*сѣдба, сѣдбина*). Заимствования со значением ‘судьба’, очевидно, пришли на славянскую почву со своими этнокультурными коннотациями (*к’орка* [ИДР (рукопись)] – идея слепоты, из тур. *kür* ‘слепой’ [БЕР 3 1986: 243–244]; *вадьо* [ИДР (рукопись)] – судьба как определенный отрезок жизненного времени, через тур. *vade* из араб. *vade* ‘срок’ [БЕР 1 1971: 111], *аджель, еджель, ежел* [ИДР (рукопись)] ‘судьба = смерть’ через тур. *ecel* от араб. *ägäl* ‘смерть, смертный час’ [БЕР 1 1971: 478]⁹ и некоторые другие). Конкурирующими лексемами и выражениями со значением ‘судьба’ являются *орисия, орис* (из греч.) и безл., пассив. *Така ми било писано, наречено, орисано* (“Так мне было написано, предсказано”).

Лексема *късмет* хорошо освоена в болгарском, ср. *късметлия, късметлив, късметен* (“счастливчик, удачник”), *късметсъз* (неудачник), *късметниче* (растение). Распространены и личные имена, фамилии (*Късметски* [БЕР 3 1986: 231]). При словообразовании используются не только турецкие суффиксы, но и собственно славянские (*късметец* и др.). *Късмет* подвергается и диалектным фонетическим изменениям – смягчению конечного согласного, подобно болгарским словам (*пѣт’, кон’*). Этот факт отмечен, в частности, в с. Равна.

Рассуждения о концептах судьбы, счастья и удачи, вербализованных в болг. *късмет*, основываются на исследованиях последних лет в этом направлении [Вежбицкая 1999; Топоров 1993; Концепт судьбы 1994; Николаева 1997; Михайлова 2001; Толстая 2002; Воркачев 2002; Якушкина 2004 и мн. др.]. Представляется, что прежде всего следует обозначить основные моменты судьбы, которая в народной интерпретации тесно связывается с рождением.

Универсальная идея многогранной связи **рождения** человека и его **судьбы** отчетливо прослеживается в языковых, этнографических и фольклорных материалах. Судьба в традиционной картине мира – это прежде всего основные этапы жизненного пути человека: вступление в брак, появление детей и смерть [Толстая 2002]. В понятие судьбы входят в другие аспекты человеческого бытия – удача, здоровье, богатство, черты и свойства личности, внешние данные, профессиональные навыки и др. Все эти параметры закладываются преимущественно в акциональную и вербальную магию родинной обрядности, которая призвана обеспечить нормальное протекание жизни и даровать младенцу благополучие.

При этом стремление человека повлиять на ход событий доминирующей идеей в народном связывании рождения и судьбы является фатализм¹⁰, представление о заданности судьбы от рождения: человек или рождается с определенной участью: *Секи се е родил с късметя си* [БНМ 1968: 211] (“Каждый рождается со своей участью, судьбой”); *Казват, секи човек се рожда с късметя* [Равна 1997], с долей или получает ее вскоре после появления на свет (от Бога, реже – Богородицы, святых), ср. *Госпот’ дава късметя* [Равна 1997], *Кога Господ давна късмет, не пита чий си син* [МБТР [1951: 1122] (“Когда Господь наделяет судьбой, не спрашивает, чей ты сын”).

У южных славян и в некоторых регионах западной Славии сильна вера в демонов судьбы (*наречници, орисници, суденици*), которые *записывают* или *предсказывают* будущее младенца в первые дни после его рождения (см. выше *орисия, изрок*), см. подробно [Седакова 1994]. Кроме божественных и демонических сил, важную роль в определении судьбы играют земные обстоятельства: хронотоп и особенности рождения, очередность детей в семье (первый-последний маркированы), пол младенца, внешние

⁹ Ср. о судьбе как смерти [Михайлова 2001: 73].

¹⁰ Мы оставляет в стороне спорный вопрос о фатализме в мусульманской религии (выражаемом частично через концепт *kismet* в восточных странах, исповедующих ислам). Этому вопросу посвящена обширная литература, см. [Е1 1986; ERE 1914], обсуждение которой не входит в задачи данной работы.

признаки, данное ему имя и пр. Существенны также поверья о влиянии на судьбу младенца рода (особенно в патриархальной болгарской среде) и родственников, крестных родителей, повитухи, кормилицы и др. Христианские и языческие представления сосуществуют, смешиваются, образуя пеструю картину разноплановых представлений: “все от Бога”, “на роду/на родах написано”, “наречено от наречницы” (то есть от демонов судьбы), *такъв ми е късметъ* и др. Ср., например, клишированные объяснения судьбы = жизненного сценария, записанные от одной информантки в зап.-болг. с. Стакевци [ДИОС 2000, 2001]: “Божа работа”, “Коего Бог писал, така”, “То му е писано от Бога” и вслед за этим “Одурисница така му и писала”, “Така писано”.

Связь судьбы с рождением актуализируется в случае трагических событий в жизни, например, смерти, что находит отражение в причитаниях. Зап.-болг. и макед. оплакивания отражают подобное смешение представлений о том, **кто, как и что** дает младенцу при рождении в качестве его судьбы:

Зер вака ти се нарекло / От пустине наречници, / Ога си се ти родило / Вдоица да останиш, / Младоста да си поцърниш (“Так ли тебе предсказано / Проклятыми наречницами / Когда ты родилась / Вдовой остаться / Молодой в темноте (черноте) жить”);

или в другом причитании: *Шо лош късмет сум имала / Шо ми било наречено / Наречено и писано / Кога сум се яз родила / Трекъя вечер напишана / Да останам из вдоица* (“Что за несчастлива судьба у меня / Что мне было написано / Предсказано и написано / Когда я родилась / На третий вечер написано / Вдовой мне остаться”) [Цепенков 172].

Следует отметить, что в вост.-болг. селе Равна обстоятельства жизни значительно чаще объясняют через *късмет* как в значении ‘судьба’, так и в значениях ‘удача’, ‘случай’. Здесь *късмет* имеет в основном положительные коннотации, в противоположность терминам *орисия*, *орисница*, маркированным отрицательно. Пожилые люди, анализируя прожитую жизнь, описывая состояние здоровья, выбирают именно эту пару антонимов. Так, информантка, перенесшая много операций, говорит, что, когда она думает о своих болезнях, всегда вспоминает *орисницу*: *Какава орисница ме е орисала, та толкова боледувам* (“Какая же орисница меня орисала, что я столько хвораю”). Другие страдания, трагедии (смерть жены, например) также описываются подобным образом: *Орисала ме е орисницата тѣй да се наказвам* (“Это меня орисница так орисала, чтобы я терпел такие наказания”). Информант 85 лет, который, несмотря на преклонный возраст, почти не знает, что такое болезнь, объясняет это своей счастливой судьбой: *Здраф съм, не знам што е крак да боли – такъф ми е късметъ* (“Я здоров, не знаю даже, что это такое – боль в ноге, такая уж у меня судьба, удача”).

В последнем примере отделение значений ‘судьба’ ‘удача’ весьма затруднено, так же как и в этнографических описаниях и в фольклоре, когда говорится, что младенцу дается *късмет*. В некоторых контекстах понятно, что речь идет об удаче и моделировании счастия (именно на это направлена праздничная обрядность родин, одаривание младенца, произнесение благопожеланий), ср. также *Орисницата е орисала да имат късмет* “Орисница их орисала, чтобы они были счастливы” [Равна 1997]. Некоторые приметы также явно указывают на значение везенья, удачи: если ребенок родится спинкой вверх, будет удачливым, животом вверх – нет, и мн. др.

Късмет в значении “дача”, “везенье”, как полагают, дается при рождении: *Роди ма, мамо, с късмет, че ма фърли на смет, аз пак ще стана за кмет* [Славейков 1972: 429] (“Роди меня, мама, счастливой, и выброси меня на помойку, я все равно удачно выйду замуж”), но не обязательно: *Бес късмет сме родени* [БД 1980, 8: 257]. Врожденной удачи и везенья также можно лишиться, не соблюдая некоторые ограничения, см. ниже.

Кроме общей семантики “удача, доля, везенье, судьба”, *късмет* имеет и более узкое значение и соотносится со вступлением в брак. Множество фразеологизмов и клише, устойчивых народных выражений построено на этом термине-концепте: *Като не му излезе късметя* (“Раз уж не судьба (жениться)”); *излезе късметя* (букв. ‘Вышло, выпало счастье’) метафорически означает “пришло время выйти замуж”. Девушка ждет

определенного времени – *късмет*, чтобы и ее судьба была решена, то есть *Да ѝ излезе късметя* [Пл. кр. 1986: 215]. Свое согласие на брак дочь при сватовстве выражает родителям клишированной фразой: *Шом ми е късмет* [Пир. кр. 1980: 392] (“Раз уж так мне суждено”).

Безбрачие или более позднее, чем это принято, замужество связано с временными аспектами, обозначаемыми как *късмет*: *Още не му е излязъл късметя* (“Еще не подошло время жениться”), *Като му излезе късметъ, ше се омъжи* (“Подойдет время, выйдет замуж”). Запоздалое замужество часто комментируется в этнографической литературе и связывается с неправильным, несвоевременным выполнением родинных обрядов [Седакова 1998]. Пословица утешает в таком случае *Престояла погача, порарен късмет изчеква* [СБНУ 45/1949: 190] (“Выпеченный хлеб ждет лучшей участи”).

Късмет как ‘замужество, женитьба’ (хотя это все же чаще девичья доля, возможно в связи с тем, что в сватовстве, в заключении брака девушкам отводится более пассивная роль) встречается во всех болгарских говорах. Здесь *късмет* реализует также и другие свои значения: “счастье, судьба, случай”. Именно этим объясняются различные обстоятельства женитьбы. Удачная женитьба в с. Шипково комментируется следующим образом: *Късмет, улучила в жененето* (“Счастье, ей повезло в замужестве” [ДИОС 2000, 2001], с. Шипково). женитьба на девушке из дальнего села объясняется ее “уделом, судьбой”: *Такъф късмет, късметъ ѝ било тука* (“Такая судьба, ее счастье там было” [Равна 1997]). Не только место, но и статус жениха зависит от понятия *късмет*, ср. *Ако имаше късмет Иглика, щеше да вземе владика* [БНМ 1968: 37] (“Если бы Иглика была счастливой, она бы вышла замуж за владыку (архиерея”).

Интересный случай представляет собой развитие семантики слова *risk* (первоначально ‘риск, опасность’ – болг. *ризик*), ставшее в огласовке *ризик* на балканославянской почве синонимом *късмет*¹¹. Ср. параллельное употребление двух заимствований с одним и тем же эпитетом: *Пусти ризик да плачима* (“Проклятая доля оплакивать”) и *Пусти късмет* [Цепенков 1972: 110].

В болгарских и македонских диалектах *ризик*, *ризик* – это ‘удел, доля, счастье, судьба’: солун. *Тъко ми ѝ бил ризику* (“Такой у меня удел”); *Ништу ни могъ дъ стор’а – ризик* (“Ничего не могу поделать – судьба”) [Вачева-Хотева, Керемидчиева 2002: 340]; макед. *На свој ризик* (“На свое везенье”). *Ризик* нередко встречается в причитаниях: *Църни ризик сум имала. Сирак да бидам до века* (“Черная судьба у меня, сиротой остаться на всю жизнь”); В болгарском языке эти значения оформлены в различные слова: *ризик* и *риск*. *Леле снао мила кърко...! Шо си била безризична!* (“О-ох, невестка, милая дочка, Что же ты такая несчастная!”) [Цепенков 1972: 118].

Уникальное значение *ризик*, которое не представлено ни одной другой лексемой, но заложено в концепте ‘судьба’, – это возможность женщины родить ребенка (бесплодие в браке приводило к тому, что женщина имела маргинальный статус в селе и не могла участвовать во многих обрядах, так как считалось, что она приносит несчастье): *Ризик немала, чедо не добила* (“Счастья не было, ребенка не родила”) [РМЖ 3: 117]. Ср. и болг. народную песню:

*Сирмо, Сирмо, ризикарна,
Ако имаш два ризика,
Да ми родиш мъжко чедо
Да ми родиш женско чедо*
[Геров 5 1977: 79]

“Счастливица Сирма, Сирма,
Если у тебя счастье двойное,
Роди мне мальчика, сына,
Роди мне девочку, дочку”

Приведу небольшую балканскую параллель к этому заимствованию. В плане развития семантики и прагматики основы показательны эвфемистические именованья

¹¹ *Ризик* в русских переводных церковных документах XI в. транскрибировало греческое и означало ‘счастье’ [Гальковский 2000: 158].

греческих *нереид κολορίζικες* ‘с доброй судьбой’ [Климова 2004]. В албанском (*trisik*) и в греческом отмечены те же значения ‘счастье, удел и пр.’, но сохранено и первичное значение ‘опасность’ [БЕР 6 2002; 255]. Полисемия этого слова и семантические сдвиги заимствования в славянских языках не кажутся случайными, если учесть весь комплекс народных представлений о судьбе как фатуме, чередой опасных и преимущественно несчастливых событий, а далее – как прохождении обязательных этапов на жизненном пути.

Късмет имеет не только абстрактные, но и предметные значения, которые, однако, так или иначе сопряжены с представлениями о судьбе, доле, жребии: это различные атрибуты для гаданий (кизилловые веточки, монетка в пироге для предсказания будущего на Новый год – *баница с късмети, зел’ник с късмети*; знаки, по которым гадают девушки о предстоящем замужестве – *късмете*).

Представления о доле, счастье и удаче, выражаемые лексемой *късмет*, часто экплицируются в полуритуализованной жизни. В народной традиции строго регламентируется поведение человека и обрядовое, и повседневное для того, чтобы семья, человек не утратили везенья и благополучия. *Късмет* в таких текстах предстает как нечто материальное, физическое, некая субстанция: его можно **съесть** (об обжоре говорят: *Изял си късмета*); **страхнуть** с себя, если после еды отряхиваешь руки [РКС (рукопись), Нови Хан, Новоселско], **вычесать**, причесываясь не подпоясавшись; **отдать**, давая займы продукты или деньги в первый день сева; вынося хлеб нищему на тарелке [РКС (рукопись): 280]; **выбросить**, кидая хлеб со стола собаке; **потерять**, не доев свой кусок хлеба; **оставить**, не доев положенную на тарелку пищу; **вымести**, заметая мусор в темноте [РКС (рукопись): 339], **миновать**, перепрыгнув через метлу [РКС (рукопись): 179], и т.д. Идея вещности удачи, возможно, универсальна, ср. др.-ирл. материал в [Михайлова 2001: 78–80]. Пустота связывается с несчастьем, неудачливостью – так, запрет беременной кипятить воду мотивируется тем, что родившийся ребенок будет невезучим, *без късмет* [РКС (рукопись): 309].

Удачу можно и **обрести**, если найти на дороге подкову; **ускорить** (для этого совершают ритуальную кражу младенца); **освободить** (*да разкопчае късмета*), расстегнув пуговицу на рубашке умершего мужа, чтобы вдова впоследствии вышла замуж, и др.

Кроме акционального ряда *късмет* образует и объектное синонимичное поле: основные жизненноважные продукты (соль, уксус, закваска, зерно, мука), а также огонь, вода воплощают собой удачу и материальное благополучие дома. Отсюда следуют и указанные выше запреты и рекомендации, и обрядовые действия, например, при выносе покойника в погребальной обрядности. Жито и соль, после смерти положенные в гроб, при отправлении из дома на кладбище вынимают и относят в загон к домашним животным; через руки покойного пропускают отруби; на месте, где человек умер, в пол или лавку забивают гвоздь [РКС (рукопись): 310, 323, 335], оставляя таким образом *късмет* умершего в доме [РКС (рукопись): 335], ср. идентичные восточнославянские материалы [Седакова О.А. 2004].

Слово *късмет* может означать и жизненную силу человека, которую также можно утратить, совершая неверные, с точки зрения носителей традиционной культуры, действия. Например, старый человек не может поливать на руки молодому, иначе последний передаст старшему свою долю, свой век [РКС (рукопись): 44], [Журавлев 1998; Седакова О.А. 2004].

Особый раздел поверий относится к человеку удачливому – *късметлия* (это рожденный в рубашке; внебрачный ребенок; появившийся на свет в воскресенье или на Пасху и др.). В рамках народной традиции *късметлия* наделяется определенными функциями, свойствами, он становится маркированным членом общества, он играет определенную роль в сельской ритуальной и повседневной жизни. Обычно именно таких людей приглашают на роль полазника в день св. Игнатия 20.12/2.01 для того, чтобы в новом году велась домашняя птица. На чужую (лучшую) удачу надеются в семьях, где “не держатся дети”, когда оставляют ребенка в ожидании первого встречного,

чтобы он его крестил. Младенца вручают ему со словами: *Тебе ти е на късмет* (“Это на твою удачу”) [СБНУ 48/1954: 378]. Аналогично совершается ритуал символического дарения ребенка в случае его болезни соседу *на негов късмет* (“на его счастье”) [Равна 1997].

Сосредоточившись на анализе болг. *късмет*, мы оставили за пределами статьи целый ряд заимствованных лексем со значением ‘судьба, доля, счастье, удача’ и их этнокультурных коннотаций (*аир, бахт, нафака, сотра, илиум, огли, некас* [ИДР], *прокопсия, паало* ‘счастье’ от тур. *rahat* “дорогой” и др.). Этим словам будет посвящено отдельное исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- БД 1962 и сл. – Българска диалектология. Материали и проучвания. София. Т. 1–, 1962 – (продолжающееся издание).
- БЕР 1971–2002 – Български етимологичен речник. Т. 1–6. София. 1971–2002.
- БНМ 1968 – Балканска народна мъдрост. София, 1968.
- БТР 1973 – Български тълковен речник. София, 1973.
- БЧ 5 1999 – Балканские чтения 5. В поисках “балканского” на Балканах. М., 1999.
- БЧ 6 2001 – Балканские чтения 6. *Nomen Balcanicus*. Поведенческие сценарии и культурные роды. Античность. Средневековье. Новое время. М., 2001.
- БЧ 7 2003 – Балканские чтения 7. В поисках “ориентального” на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время. М., 2003.
- Вачева-Хотева, Керемидчиева 2000 – *М. Вачева-Хотева, С. Керемидчиева*. Говорът на село Зарово, Солунско. София, 2000.
- Вежбицкая 1999 – *А. Вежбицкая*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Воркачев 2002 – *С.Г. Воркачев*. Концепт счастья: значимостная составляющая // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. Воронеж, 2002.
- Гальковский 2000 – *Н.М. Гальковский*. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000 (репринт).
- Геров 1975–1978 – *Н. Геров*. Речник на българския език. София, 1975–1978. Т. 1–6.
- ДИОС 2000, 2001 – Материалы, собранные автором в составе экспедиций болгарского общества ДИОС (с. Шипково, Троянская обл. – 2000 г.; с. Стакевци, Белоградчишская обл. – 2001 г.).
- Журавлев 1998 – *А.Ф. Журавлев*. К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях “доли” и “меры” в их языковом и культурном выражении) // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998.
- Знаки Балкан 1994 – Балканские чтения. Знаки Балкан. Ч. 1–2. М., 1994.
- ИДР (рукопись) – Идеографический диалектный словарь болгарского языка (Картотека хранится в Софийском университете).
- Климова 2004 – *К.А. Климова*. Нериды в традиционной культуре современной Греции // IX конгресс по изучению юго-восточной Европы. Доклады российской делегации. СПб., 2004.
- МБТР 1951 – Български тълковен речник с оглед към народните говори / Стъкми Ст. Младенов. Т. 1. София, 1951.
- МЕПР 1941 – *Ст. Младенов*. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Михайлова 2001 – *Т.А. Михайлова*. СУДЬБА и ДОЛЯ: к проблеме лексического оформления детерминистских представлений в раннеирландской традиции // ВЯ. 2001. № 6.
- Николаева 1997 – *Т.М. Николаева*. “Слово о полку Игореве” и пушкинские тексты. § 2. Тема Судьбы. М., 1997.
- Пир. кр. 1980 – Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
- Пл. кр. 1986 – Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.
- Плотникова 2004 – *А.А. Плотникова*. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Понятие судьбы 1994 – Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Попов 2004 – *Р. Попов*. Народная этимология и культ святых // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого. М., 2004.

- Равна 1997 – Материали, събрани от автором в българското село Равна, Провадия, Варненска обл. по програмата Малого диалектного атласа балканских языков (руководитель проекта А.Н. Соболев, ИЛИ РАН, СПб.).
- РКС (рукопись) – Архив Ст. Романского (хранится в Софийском Университете им. Климента Охридского, Болгария).
- РМЈ 1961 – Речник на македонскиот јазик. Т. 1–3. Скопје, 1961.
- Родопи 1984 – Родопи. Традициона народна духовна култура и социално-нормативна култура. Софија, 1984.
- РСКНЈ 1961 – Речник народног српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Вып. 1 – (продолжающееся издание).
- РЧДБЕ 1982 – Речник на чуждите думи в българския език. Софија, 1982.
- Сакар 2002 – Сакар: Етнографско, фолклорно и езиково изследване. Софија, 2002.
- СБНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Книга 1–. Софија, 1889–.
- Седакова 1994 – *И.А. Седакова*. Славянобалканские демоны судьбы: Трансформации во времени и в пространстве // *Время в пространстве Балкан*. М., 1994.
- Седакова 1998 – *И.А. Седакова*. Матримониальные мотивы в славянских родинах // *Кодови словенских култура*. Свадба. Бр. 3. Београд.
- Седакова 1999 – *И.А. Седакова*. О “знаках” и “отметинах” в традиционной культуре южных славян (*белег и нишан*) // *Славянские этюды*. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- Седакова 2000 – *И.А. Седакова*. “Живота е късмет” (Об одной лексеме в словаре болгарского села Равна) *Малый диалектологический атлас балканских языков*. Материалы Четвертого рабочего совещания. Санкт-Петербург. СПб., 2000.
- Седакова 2004 – *И.А. Седакова*. Балканское в терминологии и обрядности южнославянских родин // IX конгресс по изучению юго-восточной Европы. Доклады российской делегации. СПб., 2004.
- Седакова О.А. 2004 – *О.А. Седакова*. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Славейков 1972 – *П.Р. Славейков*. Български притчи или пословици и характерни думи. Софија, 1972.
- СлРЯ 1980 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. К. М., 1980.
- Соболев 2001 – *А.Н. Соболев*. Болгарский широкоыйский говор: Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. Marburg; Lahn, 2001.
- Толстой 1995 – *Н.И. Толстой*. Народная этимология и “этимологическая магия” // *Н.И. Толстой*. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Толстая 2002 – *С.М. Толстая*. Судьба // *Славянская мифология*. М., 2002.
- Топоров 1993 – *В.Н. Топоров*. Эней – человек судьбы. М., 1993.
- Фасмер 1986–1987 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- ФРБЕ 1974 – Фразеологичен речник на българския език. Т. 1–2. Софија, 1974.
- Цивьян 1990 – *Т.В. Цивьян*. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Цивьян 1999 – *Т.В. Цивьян*. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999.
- Цепенков 1972 – *М. Цепенков*. Македонски народни умотворби. Скопје, 1972.
- Цыхун 1998 – *Г. Цыхун*. З балгарска-беларускіх моўных паралеляў // *Слово и култура*. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. 1.
- Якушкина 2004 – *Е.И. Якушкина*. Балканославянская семантика судьбы в свете славяно-турецких языковых контактов // *Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект*. М., 2004.
- ЕІ 1986 – *Encyclopedia of Islam* / Ed. by С.Е. Bosworth, E van Donzel, B. Lewis and Ch. Pellat. Vol.V. Leiden, 1986.
- ЕRE 1914 – *Encyclopaedia of religion and ethics* / Ed. by James Hastings. V. 8. Edinburgh, 1914.